

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Symbolae slavisticae dedykowane pani profesor Hannie Popowskiej-Taborskiej / Pod redakcją Ewy Rzetelskiej-Feleszko. Warszawa, 1996, 352 S.

Настоящий сборник посвящен юбилею – сорокапятилетию научной деятельности выдающейся польской ученой Х. Поповской-Таборской. Сборник, богатый идеями и интересным материалом, открывает написанный Э. Жетельской-Фелешко очерк научной и общественной деятельности юбиляра. Библиография трудов Х. Поповской-Таборской (1955–1995 гг.) насчитывает около 300 работ, посвященных разным проблемам славистики и, в первую очередь, кашубской проблематике, исследование которой было поднято ею на качественно новый уровень. "Атлас кашубских говоров", составлявшийся при непосредственном участии и под руководством Х. Поповской-Таборской, обогатил науку ценным, не известным ранее материалом, который еще ждет своего осмысления. Карты и комментарии предстают как вполне самостоятельные исследования разных аспектов кашубского диалекта: этимологии кашубских слов, связей кашубского диалекта с другими польскими диалектами и отдельными славянскими языками и т.п. Кашубский материал, введенный Поповской-Таборской в широкий контекст славистических проблем, поставил перед славистами целый ряд вопросов, в изучении которых огромная заслуга принадлежит самой Поповской-Таборской. Вопросы формирования кашубского вокализма, кашубско-лужицкие связи, архаизмы и инновации кашубского словаря, особенности памятников кашубской письменности рассматриваются на широком славянском фоне как составная часть общеславянских процессов. Событием в славистике стал выход в свет книги "Ранняя история славян в свете их языка" [Porowska-Taborska 1992], в которой подвергнут критическому анализу весь комплекс языковых, археологических данных, на которых базируются разные теории этногенеза славян.

Последние годы научной деятельности юбиляра ознаменованы выходом в свет первых двух томов "Кашубского этимологического словаря" (I – 1994, II – 1997), подготовленных в соавторстве с В. Борысем. Высоко оценивая научные достоинства этого лексикографического труда, Л. Беднарчук, один из авторов настоящего сборника, особо подчеркивает его новаторский характер. Это – первый этимологический словарь диалекта. Лексикон отобран по дифференциальному принципу по отношению к общепольскому словарю, т.е. данный этимологический словарь является одновременно диалектным и дифференциальным. Л. Беднарчук выделяет методологически важную особенность словаря: владея всеми приемами этимологического анализа, авторы словаря последовательно проводят принцип относительной хронологии и к поискам индоевропейских соответствий они приступают только после того, как исчерпаны возможности продвижения вглубь на славянском материале. Размышляя над лексическими материалами первого тома в широком лингвоэтническом и собственно лингвистическом плане, Л. Беднарчук показывает значение кашубской лексики для реконструкции языческих верований славян (ср. *p'orën*, *p'erën* и т.п. 'злой дух, дьявол' < слав. **Perunъ*, *b'ëlon* 'злой дух, черт', *op'i*, *op'ica* 'упырь' < **apirъ* и т.п.), изучения интерференции с немецкими диалектами, выявления балтийских заимствований в словаре и топонимике Гданьского Поморья (ср. *bazmo* 'средняя часть зимней сети' < лит. *bozmas* 'Bauchnetz' и т.п.).

Статьи сборника охватывают все аспекты научных интересов юбиляра. Многие статьи посвящены вопросам славянской этимологии. Материалы сборника обогащают славистику новыми этимологиями, хорошо

обоснованными, построенными на большом фактическом материале. Эти статьи, несомненно, привлекают к себе внимание этимологов, поэтому представляется целесообразным остановиться если не на всех, то на основных этимологических решениях, которые станут базой для последующих исследований.

Кашубский материал служит отправным моментом в исследовании В. Борыся большой группы славянских образований с реконструируемым для них праславянским глаголом **prpati*. Кашуб. *pèrlèc, pèrpolèc, pèrpotac, perpeša* 'плохо, небрежно что-то делать' включается в широкий славянский контекст, рассматривается в окружении семантически близких, построенных по тем же моделям болг. *пърполя* 'хлопать (крыльями), шелестеть', макед. *прпоти* 'шуметь, тихо шелестеть', с.-хорв. *prpati* 'копаться, рыться в чем-л.', укр. *пiрпати* 'разрыхлять землю ралом', в.-луж. *pòrpotac* 'шелестеть, шуршать, скрести'. В. Борысь относит приведенные слова к категории экспрессивных, звукоподражательных образований. Все разнообразие семантики он выводит из звукообозначения шума, сопутствующего разгребанию земли, хлопанию крыльев (у птиц). Основываясь на более полном охвате материала, а также учитывая некоторые характеристики звукоподражательных образований (разнородность семантики, отсутствие исторических свидетельств и т.п.), В. Борысь решительно отклоняет предложенное Ж.Ж. Варбот истолкование отдельных южно- и восточнославянских образований в рамках гнезда и.-е. **per-/pr-* 'разрезать, рассекать, прокалывать' в сочетании с разными расширителями [Варбот 1979: 21–28]. Однако рассматривая **prpati* как собственно славянское образование, В. Борысь проходит мимо близких по структуре балтийских слов, также характеризующихся широким разбросом значений: ср. лит. *puřpti* 'набухать, распухать; гудеть, жужжать; храпеть, сопеть; квакать, крикать; болтать', ~ *sù sparndis* 'махать крыльями', *pùrptelėti, -terėti* 'жужжать', 'вспорхнуть', *pùrptoti* 'мурлыкать (о кошке)', звукоподражание *pùrpt, puřpt*, лтш. *puřpēt* 'бормотать, сердиться, бранить', 'гнить, разлагаться', *purpulis* 'тот, кто часто сердится, бывает недовольным' и т.п., связываемые в словаре Френкеля с лит. *pařpti* 'кряхтеть, хрипеть', лтш. *parpināt* 'болтать' и т.п. [Fraenkel 1955: 673, 541].

В небольшой, но емкой по содержанию заметке Ф. Хинце, опираясь преимущественно на факты фонетики, обосновывает необходимость этимологического разграничения помор. *sorin* 'злой дух, черт' и *uosoriw*

'злая, ворчливая женщина', сопоставляя первое с с.-хорв. *dsōran, dsorljiw* 'резкий, грубый; раздражительный, вспыльчивый; заносчивый', укр. *osorūga* 'что-л. надоевшее, опостылевшее', русск., укр. *ссора*, а второе включая в гнездо слав. **os-* 'острый' (> русск. *осёл*ок 'точильный камень' и т.п.). И такое решение вытекает из наблюдения над поведением *г* в позиции перед *і*. Наличие *г* вместо ожидаемого *ř* служит основанием для выделения в помор. *sorin* суф. *-унь*, а в *uosoriw* – суф. *-orija* с последующим народноэтимологическим сближением с **osa*, т.е. 'Wespen-Kratzer'.

Вслед за Х. Поповской-Таборской в науке активно ведутся поиски изоглоссных связей кашубского диалекта с отдельными диалектами польского и славянских языков. Проблему кашубско-восточнославянских лексико-семантических параллелей разрабатывает в своей статье С.М. Толстая. Предлагаемые С.М. Толстой новые сближения расширяют и углубляют общеславянскую перспективу: кашуб. *bazarni* 'негодный, подлый, бессовестный' ~ русск. диал. *базарный* 'бессовестный, нахальный, скандальный' (к **bajati*) с последующим сближением с тюркск. *bazar*, распространившимся в славянских языках не позднее XV в.; кашуб. *bqdina* 'страх, испуг' ~ вост.-слав. **pōdъ* (укр., блр. *пуд* 'страх, испуг'); кашуб. *bezla* 'рядом, возле, подле' ~ русск. диал. *бiзли* 'возле, рядом'; кашуб. *četořec* 'дремать' ~ русск. диал. *кiмать, кeмать, кемарить* 'спать'; кашуб. *kutořec sq* 'спешишь, торопиться' ~ русск. диал. *кутошиться* 'суетиться, возиться'; кашуб. устар. *vzor* 'выражение лица, особенно глаз' ~ русск.-цслав. *vъor* 'взгляд', 'выражение глаз'; кашуб. *v'eřba* 'любое плодовое дерево' ~ юж.-русс. *верба* 'дерево вообще'; кашуб. *v'ixlac sq* 'вертеться, крутиться' ~ русск. *вихляться* 'шататься, качаться из стороны в сторону'; кашуб. *ne-q* отрицание ~ русск. простор. *не-а*. Как замечает сам автор, предлагаемые сближения имеют разную доказательность и неодинаковую ценность для выбора этимологического решения. Некоторые из сопоставлений требуют уточнений. Так, если следовать наблюдениям Л. Беднарчука, из уже упомянутой выше статьи настоящего сборника, о мене *v > b*, реже *b > v* в исконной кашубской лексике и заимствованиях из немецких диалектов, кашуб. *bezla* 'возле, рядом' родственно не русск. *бiзли*, а *возле* (с. 43). Предлагаемое автором интересное сближение кашуб. *bqdina* 'страх' с русск., укр. *пуд* может быть принято при условиимены *h/p* под влиянием немецких диалектов. Едва ли может быть принято сближение

кашуб. *śemōŕś*, русск. *кемáрить* и т.п., с которыми соотнесено польск. *kimać* 'спать'. В литературе принято объяснять русск. *кемарить* как аргоизм греческого происхождения, польск. аргоизм *kimać* считается заимствованием из русского языка [Ларин 1931: 123; Landau 1902: 142; Ułaszyn 1951: 54]. Неправомерна реконструкция исходной формы **kēmati*, поскольку эта форма неизбежно подверглась бы палатализации. Восстанавливая форму **kēmati*, автор, видимо, полагает, что русск. *кемать*, *кимать* относятся к числу тех славянских примеров, которые сохранились без эффекта палатализации. Вместе с тем автор оставляет без внимания известное в литературе истолкование кашубских слов в гнезде слав. **(s)komiti / *šēmēti* 'давить, прижимать' [SP 1974, I: 312–313; ср. еще ЭССЯ 1977, 4: 15–16; Варбот 1975: 27–29].

Как известно, фонетический закон не имеет абсолютной силы. Выявление случаев непоследовательного отражения тех или иных фонетических закономерностей нередко имеет решающее значение при истолковании отношений семантически близких слов, различающихся поведением заднеязычных перед гласными переднего ряда. В литературе уже было отмечено немало примеров без эффекта второй палатализации в северо-западных русских говорах и берестяных грамотах. В более широком плане исследуется эта проблема в работах покойного Н.И. Толстого. В серии статей на эту тему Н.И. Толстой приводит примеры, демонстрирующие отступление не только от второй, но и первой палатализации в русских говорах и отдельных диалектах на славянской территории. В четвертом по счету этюде, представленном в настоящем сборнике, исследуются известные почти всем славянским языкам слова с корнем **ker-*, среди них 1) вост.-слав. продолжения праслав. **kěp-*, отличающиеся отсутствием второй палатализации; 2) южнославянские продолжения праслав. **ker-*, не пережившие первой палатализации; 3) западнославянские образования с корнем **kьp-*. Связывая чередованием **kěp-*: **ker-*: **kьp-*, автор не поясняет, на каком основании оказались в одном ряду ступени *ě (<oj)*, *e* и *ъ*. В статье рассматривается этимологически трудный материал. В своих разработках автор исходит из возможности непоследовательного отражения палатализаций славянскими языками. Такой подход расширяет и углубляет славянский фон и вместе с тем ставит перед исследователями целый ряд вопросов. Представляется интересным сближение с.-хорв.

kēn 'толстая и короткая палка', словен. *kēpa* 'комоч, кусок чего-л.' со слав. **cěръ*. Однако если принять во внимание замечание Ф. Рамовша о развитии в некоторых диалектах словен. *kēpica* из *kopa* (< **kapa*) [Ramovž 1995: 78], то нельзя исключить возможности развития всей словенской лексической группы из **kapa*. Связывая продолжения слав. **kьp-* (ср. польск. *kier*, *kpa* 'дурак, болван, олух' и др.) со **skěpa*, автор оставляет без внимания вокализм соотносимых слов, не рассматривает он и другие направления этимологических поисков, в частности отношение слав. **skěpa* и **cěpiti*, также восходящего к и.-е. **skoip-* [Фасмер 1971, III: 638].

Не учтенное в литературе польск. *miasek* 'младший сын', отмеченное в XV в. в переводе Шимона Будного, а также связанное с ним прилаг. *mieźny* в значении 'младший', с которым можно сравнить ст.-чеш. *mězný* 'о пальце', наводит Л. Мошинского на мысль о возможности унаследования из индоевропейского языка параллельных корней со звонким и глухим расширителем: **mej-g'h-* // **moj-k'-*, *mej-k'-* > праслав. *měz-*, *miz-* // *měs-*, **mis-* 'малый'. По мысли автора, форма со звонким исходом находит продолжение в слав. **mězinьсь*, польской фамилии *Miazeł* < **mězъkъ*, русском прозвище *Мезь*, *Мезок* и т.п., а форма с глухим вариантом – в праслав. **mēsъсь* 'новая, молодая луна' < **mēs-* < **moj-k'-*, в противоположность другому названию – **luna*, обозначающему луну полную, в полном блеске. Сама идея сравнения молодого, нарождающегося месяца и полной луны как будто бы объединяет этимологию Л. Мошинского с тем истолкованием, которое дает О.Н. Трубачев, однако при общем семантическом подходе исследователи видят истоки слав. **mēsъсь* в разных гнездах. О.Н. Трубачев признает генетическое тождество и.-е. **mēnes* 'месяц, луна' и компаратива **men(i)os-* 'меньше, меньший', т.е. *mēnes-louksnā* 'меньшая луна' [Трубачев 1980: 5].

Интересные наблюдения о названии *Wielkanoc* содержатся в статье И. Квилецкой. Основываясь на том, что в современном чешском и в польском до XIX в. термин *velikanoc*, *velikonoc* // *wiel(i)kanoc*, *wielkonoc* служит обозначением не только праздника Воскресения, но и еврейской Пасхи, в ходе исследования автор приходит к мысли, что истоки этого термина восходят к традиции еврейской Пасхи, самого древнего и вместе с тем самого важного праздника израильтян

в память об исходе из Египта. В переводах Библии наблюдается большой разнобой при передаче не совсем ясного термина *pascha*. Автор исследует 1) способы транскрибирования термина, 2) семантические кальки, 3) замещение непонятого термина исконным образованием (ср. в Новом Завете Лютера *Ostern* 'еврейская Пасха'), 4) мотивированные контекстом перифразы. К последней категории автор относит польск. *Wielkanoc*. В Польше традиция замены термина *pesach / pascha* исконным образованием была прервана после Библии Вуйка, которая выполняла роль *textus hesertus*. Через несколько десятилетий после Вуйка прилаг. *wielkonocny* встречается в Гданьской Библии, которая в конечном итоге связана с чешской королевской Библией. Таким образом, в новой ретроспективе получает осмысление утверждение Е. Сятковского о заимствовании польского названия из чешского.

В ряде статей затрагиваются вопросы методики этимологических исследований, принципов построения этимологической статьи в словаре, критериев, на которых базируется хронологическая характеристика слова.

После некоторого перерыва проф. Ф. Славский вернулся к работе над следующим VI томом "Этимологического словаря польского языка". В настоящем сборнике представлены образцы статей подготавливаемого словаря с начальным М.-Ф. Славский признает методологически важным положение Е. Куриловича о том, что целью этимологии является морфолого-семантический анализ, восстановление структуры и значения немотивированных слов с помощью старых словообразовательных процессов, актуальных для более ранних эпох. Вслед за А. Вайаном, он обращает особое внимание на основной словообразовательный формант, вычленение которого и определяет реконструкцию исходной формы и исходного значения. Из материалов, подготовленных проф. Ф. Славским совместно с В. Сендзиком для VI тома, выбрано несколько слов: *machać macharzyna, macherzynki, madlać się, magać, mak, męcherz*, из заимствований — *magazyn*. В представленном материале послонная расчлененная подача лексико-словообразовательных единиц языка сочетается с гнездовым подходом. В одной статье с глаголом *machać, magać* приведены префиксальные образования. Таким образом, несколько видоизменяется структура словарной статьи. Каждое из производных образований, независимо от того, имя это или глагол, имеет самостоятельную

зону внутри словарной статьи, для него отмечены самая ранняя фиксация, источники, значение, отглагольные имена или отыменные производные со всеми фиксируемыми значениями. Исключение делается для лексикализованных форм производных образований, они получают самостоятельную словарную статью в полном объеме (ср. *macharzyna* 'высушенный пузырь животных, используемый с разными целями' и *męcherz* 'мочевой пузырь').

Особые трудности сопряжены с этимологизацией топонимов. На примере лужицких топонимов (*Dahme* и др.) Э. Эйхлер предостерегает против сближения топонимов с аппеллативами только на основании внешнего сходства. Выводам об этимологии топонима должны предшествовать проверка материала, источников топонимического материала. Рассмотренные на широком славянском фоне топ. *Stolpyne, Wieletove* утрачивают приписываемый им специфически полабский характер.

На примере анализа север.-польск. *zajek* 'заяц' Б. Крея показывает важность и необходимость учета внутриславянских фактов при определении возраста слова. Исследуя кочевско-кашубское *zajek*, сосуществующее наряду с вариантами *zajic, zajc, zajec*, Б. Крея обращает внимание на мало изученное явление — преобразование формы на *-ec* в формы вторичные на *-ek*. Кашуб. *zajek* входит в этот ряд изменений. Важно учитывать не только внутренние процессы, но и географию слова: форма *zaj-k-* характеризует в основном земли, пограничные с Белоруссией. В свете этих данных кашуб. *zajek* предстает как диалектное новообразование по отношению к праслав. **zajьсь*.

Этимология остается гипотезой более или менее вероятной. При истолковании слова принимаются во внимание возможности разных мотивационных отношений и соответственно разных подходов к этимологизации слова. Этот постулат приложим не только к исконной лексике, но и к заимствованиям. На материале двух кашубских слов '*urdęga* 'стая, толпа (о гусях, людях, детях)', 'пир, пиршество' и *trēm'qd* 'громада, гряда' К. Хандке обстоятельно исследует возможности реконструкции разных источников для заимствований в кашубском диалекте. Наиболее вероятной признается гипотеза о заимствовании первого из н.-нем. *werdunge, werdinge*. Что касается второго слова, то при отсутствии необходимых данных равно вероятно происхождение из лат. *tri-modius* с основной частью *modius* 'римская мера' или из сложения, сое-

динения нем. *trennen* 'делить, разделить' и *Mund* 'отверстие, выход' или скорее *Mandel* (ср. *Trennmesser* 'ножик для распарывания', *Trennpunkt* 'распределитель') при условии, что это слово относилось к сфере договорных отношений между мельником и владельцем зерна.

Впервые предметом анализа стали дополнения и исправления в русском издании словаря М. Фасмера. Т. Левашкевич дает классификацию дополнений и поправок О.Н. Трубочева (1519) и редактора (1005) и определяет словарь М. Фасмера со всеми дополнениями, уточнениями, касающимися семантики, хронологии, литературы и этимологических толкований, как компендиум знаний по русской и славянской этимологии.

Следующий по объему блок статей посвящен собственно кашубскому диалекту. Один из дискуссионных вопросов, обсуждавшихся еще в прошлом столетии, связан с пониманием статуса кашубского языка: является ли он одним из диалектов северной Польши, или это самостоятельный западно-славянский язык. Я. Зенюкова анализирует полемику, развернувшуюся в 1850 г. на страницах газеты "Szkoła Narodowa" по проблеме кашубско-польских языковых, этнических отношений. Этот вопрос не может быть решен без учета этнической, культурной и исторической ситуации на данной территории.

Фонетический строй кашубского диалекта, становление особенностей вокализма и консонантизма, характер отношений с польскими диалектами, источники реконструкции истории развития кашубского — эти и другие вопросы получили освещение на страницах сборника. Е. Дума характеризует преобразование кашубского вокализма $\epsilon > i$ как отражение фонетических тенденций, действовавших на всей славянской территории: утрата гласными долгот, замещение количественных различий $\bar{i}$, $\bar{y}$, $\bar{a}$ различиями в качестве гласного — $\bar{i}$, $\bar{y}$, $\bar{a}$, влияние палатальности, акцента, процесс делабиализации гласных и т.п. Дж. Стоун показывает, как важно для построения исторической диалектологии изучение материалов, содержащихся в "Немецком языковом атласе", создававшемся по проекту Венкера (1852–1911) при участии Ф. Вреде. Содержащиеся в Атласе ответы на вопросы с кашубской земли отражают важные диалектные явления: s, z, c, dz в соответствии с литературными $\acute{s}, \acute{z}, \acute{c}, \acute{dz}$; так называемое кашубское "шва"; праслав, $\epsilon > i$; изменение мягких k, g, ch в $\acute{c}, \acute{dz}, \acute{s}$; переход $\bar{a}$ в o ; дифтонгизация o в определенных условиях и т.п.

Старые кашубские тексты, исследованием которых занималась Х. Поповска-Таборская, дают материал для построения истории кашубского диалекта и соответственно истории польского языка. Исследование Е. Тредера старых кашубских переводов Библии, Песенника Крофея и т.д. подтверждают уже высказывавшуюся в науке мысль (ср. Я. Зенюкова) о том, что переводы, базирующиеся на польском языке, насыщенном кашубскими элементами, могли бы положить начало процессу становления кашубско-словинского литературного языка. Реформация приостановила этот процесс.

Не оставлены без внимания вопросы функционирования современного кашубского диалекта, его нормативной основы. В связи с выходом в свет "Польско-кашубского словаря" Я. Трепчака возникает потребность в создании кашубского нормативного словаря (Э. Бреза). В сборнике рассматриваются способы реализации некоторых значений в синтаксисе разных языков, в том числе и кашубском (М. Корытковская).

Наряду с кашубской проблематикой в сборнике обсуждаются вопросы, связанные с исследованием польского, полабского, лужицких языков.

К источникам изучения польского языка можно отнести анализ И. Марыняковой словарика в труде ксендза Клука (XVIII в.), сохраняющего преемственную связь с северо-восточными польскими диалектами; предложенный М. Грухмановой сравнительный анализ силезских текстов, записанных автором в США в западной части штата Висконсин, неподалеку от штата Миннесота, с записями из Попелова около Ополя, откуда в 70-е годы прошлого столетия эмигрировали польские крестьяне; изучение И. Грек-Пабисовой опубликованного в Вильнюсе школьного катехизиса ("katechiztbówka"), отражающего черты севернопольских диалектов, записи польского говора в районе Каменец-Подольского (Украина) и т.п.

Известный исследователь языковых контактов на лексическом уровне Я. Сятковский обращается к изучению славизмов с разными суффиксами ($-ik, -ak, -ac$) в немецких диалектах. В настоящей работе исследуются славизмы с суффиксом $-a\acute{f}$. Детальный анализ материала, почерпнутого из разных источников, позволяет не только выявить состав славизмов, как правило, появляющихся в немецких диалектах, пограничных с чешским и польским языками, но и определить по фонетическим признакам время их появления.

3. Тополинская, исследуя функциональные и синтаксические условия использования в польском языке архаичного выражения *Jeśli taska...*, а также параллельные конструкции в славянских и балканских языках типа блр. *kałi laska*, макед. *ako sakam*, *ako sakame*, рум. *daca vreti*, алб. *nëse doni*, высказывает предположение, что польское *Jeśli taska...* является калькой с франц. *s'il vous plaît*, оно появилось в языке во второй половине XVII в. на волне моды на французское. Соответствующие украинские и белорусские выражения появились под влиянием польского.

Вопросы лингвогеографического изучения славянских языков получают освещение в ряде статей настоящего сборника.

А. Ковальская подчеркивает необходимость включения данных лексики в число критериев, на которых базируется определение языковых границ, лексики. Огромный материал польских атласов говорит о взаимной связи ареалов пучков изофон и изоморф, а также изолекс и изосем. На совпадение ареалов оказали влияние как лексикализация фонетических черт в говорах, так и унифицирующее влияние польского литературного языка. Внеязыковые факторы также сыграли определенную роль в формировании в течение многих веков территориальных и культурных образований, что также нашло отражение в языке.

Б. Фалинская, участвовавшая в составлении карт V тома ОЛА, посвященных ткачеству, отмечает, что карты ОЛА дают самое общее представление о функционирующей в славянском ареале терминах ткачества. Предложенный автором детальный сравнительный анализ некоторых терминов польских диалектов (*била, берда, уток, челнок, ткач* и т.п.) позволяет во всей полноте выявить семантические и словообразовательные особенности терминологии ткачества на славянской территории.

Опыт синтетического картографирования диалектных явлений предлагает К. Дейна. Составленные им карты дают представление о состоянии польских диалектов, позволяют выявить динамику языковых процессов, обязанных во многом интеграции говоров с польским литературным языком. Картографическое представление конкретного материала способствует не только выявлению основных тенденций языкового развития, карты дают наглядное представление об источниках инноваций, носителем которых могут быть отдельные слова.

Роль лингвистической географии как одного из методов решения лингвоэтнических

проблем, в частности проблемы участия румынского этноса в заселении Карпат, продемонстрирована в статье Э. Вольнич-Павловской на материале "Общекарпатского диалектологического атласа". Проведенный анализ географического распределения лексем приводит автора к выводу, подтверждающему то понимание этой проблемы, которое содержится в трудах Крынджалы: румынский этнос не переходил границу реки Уж, румынизмы, наблюдаемые на западе, обязаны посредничеству пастухов русско-украинского происхождения.

В лингвогеографическом плане исследует Б. Видоеский проблему отражения *ѣ* в разных частях территории распространения македонского языка.

Как уже отмечалось, Х. Поповска-Таборская одна из первых выделила как одно из важных направлений исследования кашубско-лужицких связей. В сборнике найдем обзор дискуссии на тему о характере отношений двух лужицких языков – верхнелужицкого и нижнелужицкого, дополненный социологическим исследованием представителей интеллигенции (Э. Вроцлавская). Вопросы синтаксиса лужицких языков (Х. Фаске), сравнительный анализ словаря Якубицы и Фабрициуса (Э. Сятковская), обзор теорий о соотношении количества гласного и ударения в полабском языке (К. Полянский) – эти и другие проблемы стали предметом обстоятельного исследования.

Отдельный самостоятельный блок настоящего сборника образуют статьи, в которых анализ материала основан на применении современной методики (А. Богуславский, М. Каминская). В сборнике затрагиваются вопросы, связанные с созданием сопоставительной семантической польско-болгарской грамматики (В. Косеска-Тошева), исследуется механизм языкового развития (М. Хоновская).

При всем разнообразии тематики основу сборника составляют статьи, связанные с изучением кашубского диалекта. Они цементируют сборник и придают ему характер целостного монографического исследования. В работах известных славистов из разных стран (Польша, Россия, Германия, Англия, Македония) представлены конкретные результаты и новые подходы к осмыслению традиционных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Варбот Ж.Ж. 1975 – К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. III // *Этимология* 1973. М., 1975.

Варбот Ж.Ж. 1979 – К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VII // *Этимология* 1977. М., 1979.

Ларин Б.А. 1931 – Западноевропейские элементы русского воровского аргю // *Язык и литература*. Т. 7. Л., 1931.

Трубачев О.Н. 1980 – Реконструкция слов и их значений // ВЯ. 1980. № 3.

Фасмер М. 1971 – *Этимологический словарь русского языка* / Перевод с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. В 4-х т. Т. III. М., 1971.

ЭССЯ 1977 – *Этимологический словарь славянских языков*. Праславянский лексический фонд. Вып. 4. М., 1977.

Fraenkel E. 1955 – *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg; Göttingen, 1955.

Landau A. 1902 – *Zur polnischen Gaunersprache* // *AfslPh* 1902. Bd. 24.

Popowska-Taborska H. 1992 – *Wczesne dzieje słowian w świetle ich języka*. Warszawa, 1992.

SP 1974 – *Słownik prastowiański* / Pod red. F. Sławskiego. T. I–VII. Wrocław etc., 1974–1995.

Ramovš Fr. 1995 – *Kratka zgodovina slovenskega jezika*. I. Ljubljana, 1995.

Ułaszyn H. 1951 – *Język złodziejski*. Łódź, 1951.

Л.В. Куркина

Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Коллективная монография / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: "Языки русской культуры", 1996, 479 с.

Коллектив авторов под руководством Е.А. Земской создал этапное исследование, демонстрирующее принципиально новые возможности русистики, которая долгое время лишь "наводила порядок в своих знаниях", а не решала глобальные проблемы и загадки языка [Геллер 1996: 380]. При первом чтении монографии поражает раскрепощенность мышления авторов, преодоление лингвистической ведомственности, уравнивого схематизма и методических стереотипов, органическое погружение языка в жизнь, культурную среду, оперативное осмысление направлений языкового развития и бережное отношение к каждой новации, попадающей под лингвистический микроскоп. Традиции отечественной социологической лингвистики (имеются в виду труды таких выдающихся русистов, как Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, Е.Д. Поливанов, А.М. Селищев, Л.В. Щерба, Л.П. Якубинский и др.) нашли в монографии философское, культурологическое, системно-структурное продолжение, приобрели особую коммуникативно-прагматическую перспективу. Авторам удалось выявить реальное состояние современного русского языка¹, определить основные тенденции его развития, обусловленные факторами социального порядка²,

укрупнить категорию языковой способности, установить пути стиливого обновления текстов в их жанровых разновидностях и тех сферах функционирования, которые, перестраиваясь, задают содержательные и формальные языковые изменения.

Степень достоверности выводов, содержащихся в монографии, во многом обуславливается выбором исследовательского материала. В монографии собраны, систематизированы и представлены в разных аспектах лингвистические факты, определяющие образ русского языка конца века. Отметим в качестве примера данное в ретроспективном культурном контексте описание метафорического поля болезни общества (*бациллы национализма, склероз гражданской совести, вирус большевизма, агония социализма, приступ антисталинской паранойи, больная, издерганная страна* и др. – глава I).

Иллюстративный фонд монографии значительно дополняет и уточняет материалы словарей современного русского языка. Так, слово *диалог* (глава I) зафиксировано в значениях 'дискуссия', 'договоренность', 'общение'. Ни одно из этих значений не отмечено даже в Большом академическом словаре издания 1993 г. [ССРЛЯ 1993]. Обновление сочетаемости слова *милосердие* проиллюстрировано на базе 23 сочетаемых вариантов; проникновение жаргонных элементов в литературный язык убедительно доказано многочисленными примерами трансформации лексической семантики: например, не отмеченное академическими толковыми словарями слово *беспредел* представлено в 16 сочетаниях, объединенных зна-

¹ Дискуссионные мнения о состоянии русского языка см. в тексте доклада Ю.Н. Караулова "О состоянии русского языка современности". М., Институт русского языка АН СССР, 1991.

² Общее решение этой проблемы и группа оригинальных методик предложены в коллективной монографии: *Русский язык и советское общество* / Под ред. М.В. Панова. М.: Наука, 1968.